

Ю.В. ШВЕДОВА

О смешении двух стратегий повествования в севернорусских агиографических текстах XVII века*

Одной из любопытных синтаксических черт, отмечаемых в севернорусских житиях местночтимых святых XVII века, является нечеткое разделение прямой речи персонажа и слов автора, что проявляется в смешении форм 1-го и 3-го лица глаголов и местоимений. В повествование, ведущееся от третьего лица, внезапно вкрапляется прямая речь персонажа: *Некій члкъ именем Харитонъ Семеновъ ковролець исповеда/ бысть на мори на новой земли рекомое на Игаче и одержим бысть болезнью заворотися рука моя ко плечу и бысть так все лето не могій ея двигнути, і явися ми стый Артемій во сне и рече ми иди въ Верколу... Азже пришед и сотвори хъ по глаголу стаго и приложися ко гробу его и здравъ бысть рукою моею млтвами стаго Артемія* (ЖАВ, лл. 56–56 об.). Изначально происходящее описывается через рассказ повествователя: некий человек по имени Харитон Семенов рассказал, что ходил в море... и заболел; однако затем в повествование неожиданно вкрапляется прямая

речь самого героя: ‘моя рука повернулась к плечу и не мог ей пошевелить...’. Однако и режим прямой

речи персонажа последовательно не выдерживается, в конце этого фрагмента действия Харитона передаются формами 3-го лица глагола, хотя форма 1-го лица местоимения сохраняется.

Конечно, может показаться, что указанное явление имеет не синтаксическую, а морфологическую природу: создатель текста жития плохо знал парадигму аориста, форму *бысть* воспринимал как единую для всех лиц форму единственного числа по аналогии с *был* в живом языке, т. е. в данном случае после формы *исповеда* следует прямая речь персонажа без перехода в режим повествования от 3-го лица. Совсем отвергать это предположение нельзя, однако думается, что дело здесь не только в грамматике.

Действительно, в ряде случаев о переходе в режим прямой речи говорит только глагольная форма: *И поведа мне страшно видение: во время полудня сядящу ему сътфегуше*

* Работа выполнена по гранту Президента РФ МК-6683.2006.6.

рыбы и видехъ на томъ месте столъ огненъ... Он же вскоре посла двухъ человекъ своихъ рыболовцовъ... (ЖЕА, с. 301). Однако если в выше приведенном фрагменте можно допустить употребление формы 3-го лица аориста вместо 1-го как более распространенной (*приложися* вместо *приложихься*), то в данном случае, напротив, вместо ожидаемой формы 3-го лица возникает форма 1-го *видехъ*, — и это уже меньше похоже на чисто грамматическое смешение глагольных форм.

О том, что речь идет о взаимопроникновении двух режимов повествования, говорит и такой фрагмент: *Члкъ некто... победа намъ бывшу ему в' недуже раз' слабленъ мцъ пять не могй двизнутися и нача молитися стоуму Артемию и явися ми стый в' виденіи і рече ми іди ко гробу моему помолися і исцеліеши азъ же возбнувъ и в том часе здравъ бысть* (ЖАВ, л. 55 об.). Здесь можно наблюдать смешение местоименных форм: *бывшу ему/ явися ми стый/ рече ми/ азъ же возбнувъ*.

Согласно исследованиям Е. В. Падучевой, в коммуникативной ситуации нарратива говорящего нет и существует две стратегии при выборе заместителя говорящего: «замещать говорящего может либо один из персонажей (выступающий в этот момент как представитель автора), либо специально существующий для этой цели представитель автора — повествователь»¹. В данном случае налицо смешение двух стратегий — рассказ повествователя сменяется рассказом персонажа.

Е. А. Мишина, наблюдая свободное сочетание разновременных и разновидовых форм, встречающихся в языке текстов летописей и хожений раннего периода, предложила объяснять подобное явление влиянием устного повествования, для которого характерно свободное переключение из настоящего в прошлое и обратно². Это наблюдение полностью подтверждается и нашими текстами: отмеченные особенности встречаются исключительно в рассказах о чудесах святого, явно записанных со слов очевидцев. Более того, в нашем случае подобное переключе-

ние зашло существенно дальше — в сферу лица. Перед нами, пользуясь определением

Е. А. Мишиной, «литературно не обработанный» тип нарратива³, что является приметой гибридности языка памятников, — по крайней мере, в житийных текстах XV–XVI вв. и более ранних, написанных на стандартном церковнославянском, такое явление никем пока не отмечалось.

Л. А. Булаховский писал, что косвенная речь является одной из наиболее искусственных конструкций литературного языка; вплоть до середины XVIII в. в текстах, написанных некнижным языком, достаточно часто отмечаются «срывы с косвенной речи в прямую» и наоборот⁴.

То, что эта особенность отмечается исключительно в рассказах о чудесах, еще раз подтверждает наблюдения Л. А. Дмитриева о том, что именно в разделе посмертных чудес агиограф был менее всего связан обязательным соблюдением строгих правил житийного жанра, с рассказов о чудесах начинается разрушение житийного канона⁵.

Наиболее ярко эта синтаксическая особенность представлена в Житии Симона Воломского. Приведем примеры: *Я же слышахъ о чудесехъ бываемыхъ отъ гроба стаго и по желанию ея привезохом' ю семо и несоша ея в црков... і несоша ю в' часовню ко придбноти і полагають близъ гроба стаго* (лл. 38–38 об.). Здесь речь идет о том, что болеющую женщину по ее просьбе близкие отвезли в Воломскую пустынь, причем среди близких людей был и составитель жития, это явствует и из предшествующего текста: [*Жена некая именем Антонида*] *поведа намъ блгую свою мысль: еже бы везоме быти ей в' Волом'скую пистыню* (л. 38). Думается, что отнесли ее в церковь и к часовне те же люди, которые и привезли ее в Воломскую обитель. Повествование, ведущееся от лица персонажа, завершается словами автора.

Подобная смена режима повествования наблюдается и в других фрагментах: *Некая жена именем Евфраксия... поведа о себе бывшу мне в' болезни тяжцей зело, и отъ тоя великия болезни отяшася нозе мои на*

пол' годищное время и вящши, и не можаше нимало воставати ни двинутиися, и слышах бывающая чюдеса отъ прѣдбнаго Симона и сицевая слышахъ шбецахъся і азъ ити в Воломскую пустыню помолитися/...и отъ того часа слыща себе отъ скорби тоя облегченіе. И нача ногама своима ходити, і иде в' Воломъскую пустыню пеши, и молебствовавъ у гроба стаго приложихся... (лл. 46–46 об.). В данном случае мы наблюдаем свободное чередование глагольных форм 1-го и 3-го лица. Складывается впечатление, что автор текста неоднократно меняет стратегию изложения событий. В этом отрывке наиболее очевидна зависимость от разговорной речи.

Есть еще примеры, где повествование о чудесном исцелении начинается как монолог персонажа: *Случися мне быти в велицей болезни чревоболія многія лета...* Однако далее следует: *И нача помышляти в себе, яко ни отъ кого нигдеже о такове пустыни и прѣдбнем Симоне слышавъ, помале же отъ болезни свобожденіе приемлетъ. И поеха ко граду Архангелскому: купецкихъ ради вещей, и быхъ тамъ и возвратихся: и о зиме во граде великомъ Устюзе бывишуже ему во изменіи...* (лл. 55–56). Здесь автор дважды переходит от повествования от 1-го лица к повествованию от 3-го лица. Причем о переносе субъекта речи свидетельствуют не только глагольные формы, но и местоимения: *случися мне и бывишу ему*.

Чтобы продемонстрировать, что подобное смешение форм 1-го и 3-го лица весьма характерно для данного жития, приведем еще и такой контекст: *Бывишу ми [мне] в немощи главоболія і отъ тоя тяжкия болезни изнемогоста очи мои... и не разуме когда днь когда ноць: и тоя ради болезни отъ цркве отставленъ бысть, и нача по миру ходити для прѣпитанія и слышавъ отъ некихъ, о чюдесехъ прѣдбномчка, новаго чюдотворца, яко многимъ даруетъ здравіе, тогда і азъ обещахъся ити помолитися прѣдбномчку Симону... и в томъ часе... нача светъ видети желаемый всеми...* (лл. 60 об.–61 об.). Здесь также мы наблюдаем вторжение авторско-

го повествования в прямую речь, причем, если рассмотреть соотношение форм, то формы 3-го лица, принадлежащие авторскому повествованию, в данном примере преобладают.

Весьма любопытен в связи с рассматриваемой нами проблемой тот факт, что форма 1-го лица субъекта речи неожиданно появляется во фрагменте текста, где отсутствуют какие-либо индикаторы прямой речи: *Того же лета, мсца іюня въ .ке. днь. члвкъ некій... скорбяше село огненною болезнию, и отъ тоя великія болезни оглохъ, и лежа десять седмиць без памяти і абіе прѣиде во умъ о чюдесехъ бывающихъ отъ прѣдбнаго Симона... и положихъ во уме шбецаніе сицево, еже ити въ Воломскую пустыню... и отъ тогво времени отъ тоя великія болезни помале оздраве, и нача потонку слышати, і иде в' Воломскую пустыню* (лл. 61 об.–62).

Этот пример, впрочем, как и приводимые выше фрагменты из других текстов, наталкивают на мысль о том, что появление подобных конструкций обусловлено не только влиянием синтаксиса живой разговорной речи, но и уровнем владения автором парадигмой книжных глагольных форм, утраченных в живом языке. Иными словами, не стоит исключать, что в ряде случаев соблюсти книжную стилистику автору мешает несовершенное владение грамматикой, а не повествовательные навыки.

В отдельных фрагментах это проявляется весьма ощутимо:

Бысть члкъ в тоже лето именем Герасимъ Игнатъевъ с Пермского прѣиде в Верколу поведа бывишуже мне на мори і небрежениемже мою руку вредивъ и не можаше рукою своею двинутиися на много время и помолися с верою стому Артемію и здравъ бысть рукою (ЖАВ, 60);

Некто члкъ... поведа бывишу ми в раслаблени лежа семь мсцовъ и помолися стому... и бысть здравъ прѣиде симо и оттевь молебень и отиде радуяся (ЖАВ, 68).

В обоих фрагментах изначально задается режим повествование от 1-го лица (*бывишу-*

же мне/ бывшу ми), однако далее последовательно употребляются формы 3-го лица аориста и имперфекта, более частотные по сравнению с формами 1-го лица и по аналогии с живым языком, где формы прошедшего времени по лицам не различались, воспринимаемые автором как единые для всех лиц.

В заключение отметим, что указанная особенность, встречающаяся в житийных текстах XVII века, является одной из распространенных речевых ошибок современных школьников. Отражая определенный этап в становлении приемов нарратива в житийных текстах, а именно в тех фрагментах, где сюжет выходит за пределы традиционных формул, эта черта возникает также и в процессе формирования речевых навыков отдельной языковой личности. Отличие в том, что древнерусский книжник должен был определиться не только со стратегией повествования, но и употребить правильные глагольные формы неродного для него языка.

Сокращения:

ЖАВ — Житие Артемия Веркольского, РНБ, ОЛДП, Q 747, XVIII в.

ЖЕА — Житие Елеазара Анзерского // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн.2. Л., 1989. С. 299–304.

Житие Симона Воломского, ГИМ, Синод. собр., № 406, конец XVII в.

¹ Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996. С. 265.

² Мишина Е.А. Типы употребления презенса совершенного вида в восточнославянских памятниках XI–XV вв. Автореферат дис... канд. филолог. наук. М., 1999. С. 24.

³ Там же.

⁴ Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958. С. 415–416.

⁵ Дмитриев Л. А. Жанр севернорусских житий // Труды отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы АН СССР. Т. XXVII. Л. 1972. С. 193.